

ВОПРОСЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Ю. ЮРКЕНАС

1.1. Общеизвестно, что собственные имена (СИ) возникают на базе нарицательных.

Переход явлений языка из одной категории в другую является сложным и продолжительным процессом. Языковой факт обычно начинает выполнять новую специфическую функцию, а связь со старой категорией сохраняется еще довольно долго. Данная связь стирается очень медленно и постепенно, это касается и перехода апеллятива в разряд СИ. Иногда слова находятся где-то на грани между апеллятивной сферой и областью СИ — так называемые информативные СИ. В ряде случаев СИ не имеют никакого соответствия в составе нарицательной лексики. Такие единицы иногда называют сигнификативными СИ. Между двумя указанными полюсами возможны переходные случаи.

Антропонимы могут быть отнесены к разряду информативных лишь в стадии становления и на первом этапе функционирования в качестве прозвища. Наиболее распространенный случай СИ переходного типа — это единицы с прозрачной этимологией, сохранившие формальную связь с общеизвестным апеллятивом, но потерявшие семантическую соотнесенность с ним. Когда смуглого человека называют *Черняком*, то данное слово следует рассматривать как информативное СИ, как слово, находящееся на грани между апеллятивной сферой и областью СИ. Когда, например, слово *Черняк* выступает в качестве современной фамилии, и ее носителем является белокурый человек, оно находится где-то в переходной зоне между информативными и сигнификативными СИ, а может быть, даже ближе к последним. Здесь еще не утрачена формальная связь с общеизвестным мотивирующим апеллятивом, но семантическое содержание последнего почти сведено на нет. Все то, о чем сигнализирует корневая морфема *черн-* в составе нарицательной лексики, уже неприложимо к носителю соответствующего СИ.

Обстоятельства указанного типа становятся причиной того, что связь СИ с породившим его апеллятивом во многих случаях постепенно стирается. В этом процессе обособления СИ, т.е. в образовании совершенно новой единицы языка, играет роль несколько факторов. Во-первых, законы образования СИ заметно отличаются от образования нарицательных имен. В сфере СИ возможны, например, такие сокращения и способы аффиксации, которые не используются или являются исключительно редкими в обычной лексике¹.

¹ Ср. хотя бы список производных от имени *Александр* в кн. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966, с. 44: Александрюшка, Алксаня, Саня, Санюра, Санюта, Санюха, Санюша, Алксасха, Алксасша, Саша, Сашуха, Сашуля, Сашуня, Сашура, Шура, Шурёна, Шуруня, Алкся, Алксюха, Алксюша, Аля, Ася, Лекса, Лексаня, Лексаша.

Во-вторых, в силу специфических особенностей функционирования здесь возможны пересечения с другими группами СИ.

1.2. Изучение информативных СИ или же единиц переходного типа обычно не представляет больших трудностей. Анализ таких имен обычно заключается в указании на явную или легко определяемую связь с мотивирующим апеллятивом. Однако в тех случаях, когда эта связь становится настолько завуалированной, что обычному наблюдению уже не поддается, т.е. когда СИ является сигнификативным, исследование сопряжено с серьезными осложнениями.

Построение этимологии апеллятива несколько напоминает определение точки в прямоугольной системе координат. Там каждая точка характеризуется координатами, представляющими собой пару чисел. Отсутствие хотя бы одной из величин делает положение точки неопределенным. Этимология тоже характеризуется парой определяющих величин. „Координатами“ этимологии можно считать (а) отражение всевозможных рефлексов оформления слова (соответствующее оформление, как правило, обуславливается закономерностями развития отдельных языков) и (б) колебание семантических компонентов².

У сигнификативных СИ нет тех семантических компонентов, которые рассматриваются как обязательный фактор при определении генетического родства апеллятивов. В распоряжении исследователя остается лишь одна из двух определяющих величин (звуковое оформление). При таком положении вещей определение этимологии исключительно на базе формальных показателей почти равноценно попытке определить положение точки в прямоугольной системе координат по данным лишь одной координаты. Этимологом сигнификативной антропоосновы практически можно считать любой из омонимичных корней данного языка, а также все сходные по форме компоненты других антропонимических систем, соприкасавшихся по тем или иным причинам с изучаемой системой. Для того, чтобы сделать рациональный выбор, надо найти какие-то дополнительные каналы получения соответствующей информации, необходимо использование новых индикаторов.

2.1. В настоящее время исследователями признается общендоевропейский характер древних сложных личных имен. Это может служить основанием для сравнения фактов целого ряда индоевропейских антропонимических систем. Сравнение может иметь несколько аспектов. Оно может быть построено, например, на базе ожидаемого родства ряда древних антропооснов, т.е. может иметь приблизительно такой вид, каким является современное описание этимологии гнезда генетически родственных апеллятивов. Такой анализ в сфере СИ до сих пор не стал общепризнанным методом по той причине, что здесь не оказалось данных другой „координаты“.

Другим аспектом сравнения может быть изучение антропонимической типологии. Имеется в виду возможность существования в разных индоевропейских антропонимических системах множества сходных единиц, обуслов-

² В качестве примера можно привести общепринятую этимологию и.-е. корня, обозначающего в виде символа **bheug-*. Величинами, отражающими соответствующие рефлексы звукового состава, можно считать лексемы типа лит. *baugis*, греч. *φείγω*, лат. *fu-gere*, д.-в.-н. *biogan*, др.-инд. *bhujāti* и т.д. Амплитуду колебания семантических компонентов можно представить в виде сегмента [сгибание — пугливость — бег].

ленных сходством лексического состава языков, общими тенденциями в образовании и развитии СИ, сходными правилами конструирования личных имен, общими чертами миропонимания и другими аналогичными факторами. Независимое возникновение однотипных собственных имен, обусловленных аналогичным соотношением реалий, сходством лексического состава языков, типологическими закономерностями их образования, иногда называют явлением полигенеза (Polygenese).

2.2. Проблемам ономастической типологии в лингвистической литературе до сих пор было отведено весьма скромное место. В работах некоторых зарубежных лингвистов к вероятным случаям проявления полигенеза относится образование антропонимов на базе экспрессивно-эвфемистических слов детской речи (также речи матерей или других лиц, ухаживающих за детьми, или же речи влюбленных в их обращении друг к другу и т. п.)³. Особенностью имен такого типа, обозначаемых в немецкой ономастической литературе термином *Lallnamen*⁴, является увеличение удельного веса звучания слова.

В древней индоевропейской антропонимии содержится немало компонентов, распространенных на обширной территории, которые по своему звуковому составу представляются именно такими экспрессивно-эвфемистическими словами (*Lallnamen*). Их распространение может быть обусловлено не только генетическим родством или контактированием племен, но и типологическими особенностями индоевропейского именотворчества.

Для многих антропооснов, восходящих к экспрессивно-эвфемистическим словам, характерно наличие соответствий в числе терминов родства или звукоподражательных слов, большинство из которых по своему происхождению имеют прямую или косвенную связь со словами детской речи. Однако формальная соотнесенность антропонимов данного типа и терминов родства или звукоподражательных слов не означает, что указанную соотнесенность в обязательном порядке следует считать продуктом обычной антропонимизации терминов родства и т. п. слов. В некоторых случаях возникновение антропооснов такого типа может быть обусловлено теми же причинами, что и образование соответствующих терминов родства или звукоподражательных слов, т. е. связь между теми и другими единицами может быть не генетической, а, скорее, типологической — те и другие единицы могут быть результатом аналогичного порождающего процесса. Примером антропонимов указанного типа может служить хотя бы такой их список:

(а) *Am-*: лит. *Am-äl-ius*, *Am-ül-is*, *Am-ut-is*, *Am-el-iūnas*, *Am-butas*, герм. *Ammius* (остгот), *Am-al*, *Amm-aca*, *Am-ava*, *Amm-ata* Schö 14–18; кельт. *Amius*, *Amma* Holder I 128; иллир. *Am-aus*, *Am-oa* Krahe 150, малоазийск. *Αμα*, *Αμη*, *Αμικ*, *Αμιας* Zgusta KP 55–58, фрак. *Αμα-δοχος*, *Αμ-αρδις* Detschew 14, скиф. *Αμμια* Zgusta PGSt 294;

(б) *An-*: лит. *An-āis*, *An-āitis*, *An-il-ionis*, *An-iūl-is*, в памятниках *An-iul* 1585 Jabl 252; лтш. *An-k-us*, *An-usch-e*, др.-прусск. *An-golt* (ср. *Golte*, *Goltenne*) Traut 35; др.-русск. *Оня* Весел. 231; герм. *Anno*, *An-ulo*, *An-ilo*, *An-ala* (*Stammvater der Goten*), *An-icho*, *Ana-ger*, *Ana-gast* För 82–83, Schö 19; малоазийск. *Αννας*, *Ανν-αλις*, *Ανν-ινας* Zgusta 67–69; скифское *Αννα* (в разделе „Aus Kinderwörter entstandene Namen“) Zgusta PGSt 294.

³ Ср. Witkowski T. Grundbegriffe der Namenkunde. Berlin, 1964, S. 73.

⁴ Ср. Witkowski T. Указ. соч., с. 43.

Данная антропооснова перекликается со старым индоевропейским термином родства **an*, являющимся по своему происхождению словом детской речи; ср. лит. *anūta*, „свекровь“, др.-прусск. *ane* „прабабушка“, лат. *anus* „старая женщина, старушка“, д.-в.-н. *ana* „бабушка, прабабушка, прародительница“, *ano* „дедушка, предок“ и т.п.

(в) *At-* лит. *Atas*, *At-it-onis*, *At-ut-is*, *At-mon-aitis*, топонимы антропонимического происхождения *Āt-iškiai* (Пасвальский р-н), *At-ik-ónys* (Укмергский р-н); др.-прусск. *Atte Traut* 132; др.-русск. *Oma* Грамоти 42, *Om-ук* Весел 235; герм. *Atto*, *Ata*, *Att-ala*, *At-ulo*, *Ato-man*, *Ata-ulfus*, этноним *At-moni Fōr* (2) 131–135, Schö 35–36; кельт. *Ata*, *Atis*, *At-itho(n)*, *Atta*, *Att-ula* Holder I 250–280; фрак. *Atius*, *Atia* Detschew 33; малоазийск. *Ατα*, *Ατας*, *Ατις*, *Αττα*, *Αττας*, *Ἀττ-αλος* Zgusta KP 107–111; скиф. *Αττας*, *Ατος* Zgusta PGSt 297.

Компонент *At-* также имеет соответствие в числе терминов родства, возникших на базе слов детской речи: ср. ст.-слав. *ot-ьсь*, греч. *αττα*, лат. *atta*, гот. *atta*, хетт. *attaš* „отец“ и т.д.

(г) *Bab-*; лит. *Babỹs*, *Bab-aitis*, *Bāb-ik-as*, *Bab-il-à*, *Bōb-ēl-is*, *Bob-ėnas*, *Bob-il-as*, др.-русск. *Баб-ич*, *Баб-ик-ов* Весел 18, польск. *Bab*, *Bab-ik*, *Bab-uck*, *Babi-rad* Słownik I 74–75, *Bob-ek*, *Bob-ik* Słownik I 175; герм. *Babo*, *Bab-ilo*, *Bab-in*, *Bab-ulf*, *Bobo*, *Bob-ilo*, *Bob-ila*, *Bobo-bert Fōr* (2) 223–224, 317–319; кельт. *Babbius*, *Babus* Holder I 321–322, скиф. *Βαβα*, *Βαβος* Zgusta PGSt 300.

Представляет интерес наличие соответствующего апеллятива, который по своему происхождению относится к словам детской речи (рассматривается как редупликация слога *ba*): лит. *bōba*, лтш. *baba* „(старая) женщина“, русск. *баба*, ср.-в.-н. *babe*, *bobe* „старуха“ и т.п.

(д) *Lal-*: лит. *Lalỹs*, *Lālas*, *Lal-ūt-is*, др.-прусск. *Lal-utte* Traut 51; кельт. *Lalia*, *Lallius*, *Lall-o(n)*, *Lallus*, *Lalla*, *Lalus* Holder II 127–128; фрак. *Λαλλης*, *Λαλος*, *Λαλα* Detschew 274; малоазийск. *Λαλα*, *Λαλος*, *Λαλας*, *Λαλλης*, *Λαλις* Zgusta KP 265–267; польск. *Lalus* Gołębiowska 104.

В целом ряде и.-е. языков имеется аналогичное слово-звукоподражание: лит. *lalėti* „громко говорить, галдеть, болтать“, русск. *лала* „болтун“, польск. стар. *lalać* „лепетать“, нем. *lallen* то же, греч. *λαλέω* „говорю“ и т.д.

(е) *Mam-*: лит. *Mam-aitis*, *Mam-avičius*, *Mam-ėnas*, *Mam-ėnas*, в памятниках *Мам-оутиць* 1592 Jabl 333, *Мам-ул-евиць* 1554 Jabl 93, лтш. *Mam-ul*, *Mam-witze* 208, *Mam-el* Blesse 297; герм. *Mamo*, *Mam-ila*, *Mam-fred* Fōr 901, Schö 160; кельт. *Mam-ius*, *Mam-ula*, *Mamus* Holder II 400; блр. *Мам-ун*, *Мам-яка* Бирилло 233, 236, польск. *Mam-aciek* Gołębiowska 109, фрак. *Μαμμα*, *Μαmmas*, *Μαm-utziς*, *Μαμα*, *Μαm-αϊος* Detschew 283–284; малоазийск. *Μαμα*, *Μαμη*, *Μαμας*, *Μαμως*, *Μαm-αλη*, *Μαμμις*, *Μαμας* Zgusta KP 281–286; скиф. *Μαμα* Zgusta PGSt 302.

Примечательной параллелью является термин родства (в основном название матери), встречающийся в целом ряде индоевропейских языков и являющийся по своему происхождению словом детской речи: лит. *tama*, лтш. *tama*, русск. *мама*, греч. *μητέρα*, лат. *tamma* „мама, мать“, д.-в.-н. *тиота* „тетка“ и т.д.

Не исключена возможность того, что некоторые из указанных единиц могли быть образованы в результате пересечения двух или нескольких антро-

понимических групп, т.е. отдельные антропонимы указанного типа могут быть с „примесью“ более поздних рядов СИ. В конце концов, включение некоторых из вышеуказанных компонентов в данную группу СИ может быть спорным. Однако отдельные случаи такого типа не могут опровергнуть общего положения о существовании экспрессивно-эффемистических СИ (Lallnamen) в целом ряде и.-е. языков. В частности, это относится и к тем языкам, в которых исследователями до сих пор не было отмечено соответствующее явление.

3.1. Другим случаем проявления полигенеза представляется образование СИ на базе апеллятивов, характеризующихся тождественными или сходными семантическими компонентами.

Для первобытного человека имя — это образ или тень его души. В именах наши предки рассказывают о своих идеалах, раскрывают свои сокровенные мысли. Аналогичные мысли, естественно, должны были выражаться и в каком-то отношении сходными единицами языка. Имеем в виду то обстоятельство, что апеллятивы, обладающие семантическими компонентами определенного типа, почти повсеместно переходили в разряд СИ, т.е. мы допускаем существование апеллятивов, характеризующихся повышенной склонностью к антропонимизации. Работа исследователя при таком подходе несколько напоминает построение изосемантических рядов по методике С. С. Майзеля — В. П. Старинина. В один ряд включаются лексемы, вступающие в соотношение *nomen proprium* || *nomen appellativum* и повторяющие ту же ассоциацию понятий в ряде индоевропейских языков⁵.

В качестве примера приведем несколько групп изосемантических апеллятивов, обладающих повышенной склонностью к антропонимизации.

3.2. **Цветовые признаки; свет; блеск.** В древней индоевропейской антропонимии довольно важную роль играют основы, апеллятивное значение которых связано с понятием трех цветов: (а) светлого — белого, (б) красного, (в) темного — черного. Это, видимо, обусловлено некоторыми особенностями мировоззрения индоевропейских народов, отражением явлений окружающего мира в сознании первобытного человека, что оставило ощутимый след в мифологии и религиозной системе. Согласно данным этнографии, можно говорить о типологических сходствах восприятия трех указанных цветов многими народами мира. Так, например, у славян белое (или иногда красное) обладает положительным смыслом, черное же является символом отрицательного (ср. белый день, красная весна, но черная ночь, черная смерть и т.п.). У бурят отмечено деление всех богов на западных, белых, добрых и восточных, черных, злых. Интерес представляют мифы ряда африканских племен о красном и черном богах, однако отношение цвета и оценки здесь может быть иным (красный бог приносит зло, а черный помогает людям)⁶. Подобные случаи осмысления трех указанных цветов в этнографической литературе отмечены в большом количестве.

Так как в древней индоевропейской антропонимии преобладают единицы, представляющие собой положительную характеристику носителя имени,

⁵ Ср. Старинин В. П. О семантическом аспекте сравнительно-исторического метода. — „Советское востоковедение“, 1955, № 4, с. 99—111.

⁶ См. Иванов Вяч., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 138—139, 192—200.

то, естественно, главную роль в данном ряду играют основы, апеллятивное значение которых сводится к выражению белого — светлого и в какой-то мере красного. Интерес представляет наличие основ, выступающих в нескольких антропонимических системах и восходящих к единицам одного и того же гнезда генетически родственных слов.

3.2.1. К группе антропонимов последнего типа следует отнести единицы, возникшие на базе этимологического ряда слов, перечисленных Э. Френкелем под рубрикой *bālti*: лит. *bālti* (прает. *bālo*) „делаться белым, бледнеть“, *bāltas* „белый“, лтш. *bāls* „бледный“, др.-инд. *bhāna* „сияние, блеск“, *bhās* то же, греч. *φαλιος* „светлый, белый“, *φῶνος* „светлый, яркий; факел, светоч“, др.-исл. *bál* „огонь“, кимр. *bal* „белолицый“ и т.д.⁷

О наличии антропооснов, восходящих к указанному ряду, идет речь в работах исследователей нескольких антропонимических систем. М. Шёнфельд приводит германские имена *Ballo-marius*, *Ballo-meris*, *Andonno-ballus* и дает толкование: „*Ballo* из и.-е. **bhalnó-* стоит наряду с **bhalo*, герм. **bala-* = греч. *φαλος* „блестящий, белый“ Schö 43. Кельтское *Balarus*... по Штоку = греч. *φαλαρός* „светлый, блестящий“ Holder 335⁸. Фракийские имена *Baλας*, *Baλης*, *Balius* возводятся Д. Дечевым к и.-е. **bhel-* „блестеть, сиять“ в др.-инд. *bhāla-m* „блеск“ Detschew 41. Основа того же происхождения выделяется А. Фиком и А. Хилькой в составе древнеиндийских антропонимов типа *Su-bhāsa*, *Bhāsa*, *Bhānu*, *Bhānula*, *Bhānu-mati* Fick CLXXII, Hílka 126. Аналогичный компонент вычленяется в греческих именах *Φάλις*, *Φάλ-ακρος*, *Φάλιας*, *Φᾶνις*, *Φαν-αγώρας* и т.п. Fick (2) 84.

По всей вероятности, к данной группе СИ следует отнести и балтийские (главным образом литовские) антропонимы типа лит. *Bal-butas*, *Bal-minas*, *Bal-tonas*, *Bal-noras*, *Bal-žinas*, *Balt-manas*, *Balt-en-is*, *Balt-ik-as*, *Balt-ūt-is*, *Balt-ūš-is*, в письменных памятниках *Баль-монъ* 1555 Акты 8, *Балм-умь* 1578 Jabl 222, *Balt-ul-is* 1597 Jabl 462, лтш. *Bal-yn*, *Bal-in* Blese 159, *Balt-yns*, *Baltsche* Blese 160.

Изучение балтийских и славянских антропонимов, содержащих в своем составе компонент *Bal-*, осложнено еще одним довольно важным фактором. Множество славянских имен с препонентом *Bole* (типа польск. *Bole-slaw*, *Bol-ek*) могло в ряде случаев пересекаться с совокупностью антропонимов, которые возникли на базе единиц вышеуказанного гнезда генетически родственных слов, обладающих семантическими компонентами „блеска—сияния—близны“. По сей день в Литве формы *Balỹs*, *Bõlius* функционируют в качестве сокращенных форм имени *Boleslovas* (< *Bole-slaw*). Поэтому можно себе представить, что литовские фамилии типа *Bal-eik-a*, *Bal-iul-is*, *Bal-ut-is*, *Bal-už-is* и т.п. являются продуктом процесса конвергенции двух антропонимических рядов. Однако в таком случае пришлось бы говорить не о сближении, т.е. не о простом соединении двух множеств СИ, а о поглощении древних имен множеством новых антропонимов, занесенных в Литву волной христианизации. Если вообще еще целесообразно говорить о той роли, которую сыграла

⁷ Cp. Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg—Göttingen, 1962, S. 32.

⁸ В списках А. Холдера указан целый ряд имен, содержащих в своем составе компонент *Bal-*: *Bali-acum*, *Balio*, *Balius*, *Balucus* и т.д. Holder I 335—339.

древняя антропооснова *Bal-* в образовании данного ряда литовских фамилий, то эта роль может быть сведена к функции своего рода „катализатора“, ускорившего процесс образования суффиксальных и сокращенных форм от соответствующих христианских имен.

3.2.2. Другим гнездом генетически родственных слов, имеющих отношение к понятию белизны—света, сыгравших важную роль в образовании и.-е. антропонимов, представляется множество единиц типа лит. *laūkas* „животное, имеющее белое пятно на лбу; поле“, др.-прусск. *luckis* „полено“, др.-инд. *ruci* „свет, блеск“, русск. *луч*, греч. *λευκος* „светлый, блестящий, белый“, лат. *lūx* „свет“, гот. *liuhap* „свет“ и т.д.

Во многих исследованиях по отдельным антропонимическим системам выделяются СИ, порожденные вышеуказанным этимологическим рядом. Ср. германские древние имена *Liuhilt*, *Liuchart* För 878, Kauf 231; кельтские *Leuc*, *Leucanus*, *Leucaro(n)*, *Leucena*, *Leuci-mara*, *Leukonius* Holder II 192—196, *Louc*, *Louccian*, *Luca*, *Lucco(n)* Holder II 296—297⁹; др.-инд. *Ruci*, *Ruci-deva*, *Su-ruci*, *Ruci-pati*, *Bhadra-ruci*, *Vara-ruci* Hilka 126, Fick CLXXIX греч. *Λεύκωπιλος*, *Λευκοφόνης*, *Λευκ-άνωρ*, *Λεύκος*, *Λευκίτης*. К той же группе, на наш взгляд, следует отнести балтийские имена, содержащие в своем составе основу *Lauk-*: лит. *Lauk-aitis*, *Lauk-el-is*, *Laūkis*, *Laukys*, *Lauk-š-ys*, *Lauk-ūt-is*, топонимы антропонимического происхождения *Lauk-min-iškiai*, *Lauks-vyd-ai*, в письменных памятниках *Łowk-aycis* 1561 Jabl 619, *Ловкѣс-вид-айтисъ* Jabl 340, *Лов-кит-ойтисъ* Переписи 224, *Ловкѣс-мин* Jabl 439, лтш. *Lauko* Blese 295, *Lauk* Blese 331. Сюда же, по-видимому относятся иллирийские *Λεύκαρος* (ср. кельт. *Leucaro(n)*), *Leucena* (ср. кельт. *Leucena*), *Leucina* Krahe 143.

3.2.3. Примечательным гнездом родственных слов, породившим ряд компонентов, функционирующих в балтийской, славянской, германской и индоиранской антропонимических системах, является группа слов типа лит. *šviēsti* „светить“, *švitėti* „блестеть, мерцать“, *švytrūoti* „блестеть, сиять“, ст.-слав. *svētъ*, русск. *свет*, др.-инд. *svētās* „светлый, белый“, *svitrās* „белый“, гот. *hveits*, др.-сакс. *hwit*, д.-в.-н. *hwiz* „белый“ и т.д. Ср. соответствующие антропонимы: лит. *Švitinis*, *Švitrā*, *Švitrỹs*, в памятниках *Швипри-кгаило*¹⁰, др.-прусск. *Switth* Traut 103; др.-русск. *Светиков* Весел 281, польск. *Światłak* Gołębiewska 139, болг. *Světо-slav* Svoboda 88, сербохорв. *Sveto-zar* Svoboda 88; др.-инд. *Svetā*, *Svetika* Hilka 127 (ср. древнерусское *Светиков*!), *Svitya*, *Svitrā* (ср. лит. *Švirā*!), *Sveta-ketu*, *Svetaka* Fick CLXXXVIII; герм. *Hwita*, *Hwitan*, *Suan-huit* Kauf 211.

3.2.4. Кроме вышеуказанных сравнительно многочисленных групп антропонимов, которые процедируются в соответствующие гнезда генетически родственных апеллятивов, в составе СИ индоевропейских народов находим и другие антропоосновы, восходящие к апеллятивам со значением блеска—сияния—белизны. Ср. лит. *žibėti* „блестеть, сиять“, *žaižas* „молния“ || антро-

⁹ Ср. еще Льюис Г. и Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, с. 33. „... Галл. *Leucetius*, *Loucetius* (эпитет бога Марса): гот. *liuhap* „свет“, лат. *lūceo* „сияю“, гр. *λευκός* „белый...“

¹⁰ Ср. толкование К. Буги: „*Švitrī-* родствен др.-инд. *švit-rā* „белый“ *Būga* K. *Rinktiniai raštai*, t. I. V., 1958, p. 259.

понимы *Žibà, Žibas, Žib-ik-as, Žib-ūt-is, Žaibus*, в памятниках *Жуб-ум-цъ* 1597 Акты 605; лит. *blinkčioti* „поблескивать, мерцать“, *blankūs* „бледный, неясный“, д.-в.-н. *blanch* „блестящий, белый“ || антропонимы: лит. *Blinka, Bliñkus, Blānkas*, герм. *Blanchō, Blanka Fōg* (2) 310; д.-в.-н. *glizan* „сиять, блестеть“ || антропонимы: *Glis, Glis-her, Glis-mot, Glis-mont Fōg* 527–528; греч. ἀγλαός „блестящий“ || антропонимы: Ἀγλα-ιπλός, Ἀγλα-υένυς Fick (2) 42; греч. λάμπω „светить, блистать“, λαμπρός „светлый, сияющий, яркий“ || антропонимы: Λάμπρος, Λαμπρο-κλής, Λαμπρο-μαχος Fick (2) 183–184; др.-инд. *śuklā* „светлый“ || антропонимы: *Bhima-śukla, Sundara-śukla, Śukra* Fick CLXXXVI.

3.2.5. В процессе антропонимизации апеллятивов, выражающих понятие „красного“, важную роль сыграли единицы следующего этимологического ряда: лит. *raudónas* „красный“, *raūdas* „буланный“, *rūdas* „коричневый, рыжий“, русск. *руды́й*, польск. *rudy* „рыжий“, гот. *raups* „красный“, лат. *rūfus, ruber* то же, др.-инд. *rōhitas* „красный, рыжеватый“ и т.д. Ср. антропонимы: лит. *Raudà, Raud-ėl-is, Raud-en-is, Raūdis, Raud-ėn-is, Rūdas, Rudis, Rudys, Rud-ėl-is, Rud-ėn-is, Rūd-ik-as, Rud-ėk-as, Rud-ūk-as, Ruda-min-as, Rud-min-as, Rūd-val-is*, в письменных памятниках *Равде* 1595 Акты 529, *Рудис* 1585 *Jabl* 282, *Rud-ik-aytus* 1591 Акты 386, *Рудо-мины* (р. ед.) 1594 Акты 501, др.-прусс. *Raud-icke* Траут 82, *Rud-ayko, Rудde* Траут 84, лтш. *Raud-ing, Blese* 234, *Rudde, Rud-esche, Rudd-iten, Rwdze, Rudze-gail* Blese 236; др.-русс. *Руда, Рудак, Рудель* Весел 272, чешск. *Rudi-slav, *Rudo-mysl, Rut-bor* Svoboda 96; герм. *Raud-ing, Rautin, Raod-old Fōg* 1034, *Reud-olfus, Reod-olf, Schō* 188, *Rude-richus Schō* 195, *Reude-mund, Reud-oald, Kauf* 289; кельт. *Raudo-maeius* Holder II 1084, *Reuda* Holder II 1130, *Roudius* Holder II 1235, *Rudianus, Rudscus* Holder II 1239–1240; лат. *Rufo, Rufus, Rufilius, Rubrius* Schulze 621; др.-инд. *Rohit-aśva, Rohita, Lohita* Fick CLXXX.

3.2.6. Основы, выражающие понятие „черного“, в древней антропонимии представлены уже. В составе балтийских и славянских СИ выступают компоненты, возникшие на базе единиц следующего этимологического ряда: лит. *kėršas* „черно-белый, пятнистый“, др.-прусс. *kirsnan* „черный“, ст.-слав. *črъnъ*, русск. *черный* и т.п. Ср. лит. *Kėršis, Kerš-ūl-is, Kirsnys*, в памятниках *Кершис* 1585 *Jabl* 270, др.-прусс. *Kirsne, Kirsn-ute* Траут 46, *Kerse* Траут 44; др.-русс. *Черн-ев, Черн-ик* Весел 351, блр. *Черн-вух, Черн-як* Бирилло 271–272, польск. *Czarn-osz, Czarn-ula, Czern* Słownik 1 403–404, сербохорв. *Crno-brat, Crno-mir, Crno-muž* Svoboda 73.

Основа литовского апеллятива *juodas* „черный“ тоже представлена в составе антропонимов: *Juod-aitis, Juod-el-is, Juod-eik-à, Juod-gud-is*, в памятниках *Yodis* 1597 *Jabl* 444, *Jodz-iewicz* 1594 *Jabl* 355, *Jod-ok-aitis* 1584 *Jabl* 237.

Имеется ряд антропонимов, содержащих в своем составе корень, возникший на базе ряда генетически родственных слов типа лит. *mėlynas* „синий“, *mėlis* „синева“, лтш. *melns* „черный“, греч. μέλας „черный“, галльск. *melinus* „черный цвет“. Ср. антропонимы: лит. *Mėlius, Mėlinis, Mel-ėn-us, Mėl-ān-as*, лтш. *Melne, Melnas, Melns* Blese 220; греч. *Μελας, Μελάνης, Μελάν-ιπλος, Μελάν-ηρος* Fick (2) 201; кельт. *Melinus, Mēlius, Mel-mandus, Melo-datus, Cat-melus, Melonius* Holder II 536–541.

В других и.е. языках также имеют место случаи антропонимизации апеллятивов, выражающих понятие „черного“ Ср. др.-инд. *śūāta* „черный“ ||

антропонимы: *Syāta, Śyāmaka, Śyāta-jit* Fick CLXXXVII; д.-в.-н. *swarz* „черный“ || антропонимы: *Suartuas, Swarz-man, Swarz-olf* För 1134–1135 и т.д.

3.3.1. **Сила, мощь; власть.** Данное понятие представляет собой важнейшее свойство, о котором мог мечтать индоевропеец в определенный период развития общества. Это те черты, которые служили мерилем достоинства мужчины-борца.

3.3.2. Весьма продуктивным гнездом родственных слов данного типа, породившим некоторое множество антропонимов в нескольких антропонимических системах, можно считать следующий ряд апеллятивов: лит. *galėti* „мочь“, *galiū* „сила, мощь“, русск. диал. *голямо* „много, очень“, сербохорв. *гдлем* „огромный, громадный“, корн. *gallos*, брет. *galloet* „сила, мощь“ и т.д. Ср. антропонимы: лит. *Gal-ėik-a, Gal-ėn-is, Gala-vain-is, Gal-gin-as, Gal-kontas, Gal-mant-as, Gal-min-as*, в письменных памятниках *Кгал-аумис* 1592 *Jabl* 328, *Кгол-бут-а* Переписи 90, *Gal-kunt-aytis* Акты 386, *Кголи-монтъ* Переписи 99, др.-прусс. *Mini-gal, Claws-gal, Ny-gal, Tawte-gal, Way-gal* Traut 136, лтш. *Galle* Blese 176. А. Холдер к тому же этимологическому ряду относит соответствующие кельтские СИ: *Gala, Gala-brigā, Galata* Holder I 1521–1522, *Galaunus, Gallanus, Galli-ānus* Holder I 1621–1638, *Gallicus, Gallicinus, Gallio(n), Gallo(n), Gallionis, Gallula, Gallo-magnus, Golo-minus* Holder I 1950–1980 (ср. лит. *Gal-min-as*?). В тот же этимологический ряд Ю. Покорный включает этнонимы *Galli, Γαλάται*¹¹ Д. Дечев сюда же относит фракийский антропоним *Γαλιχος* Detschew 98. Не исключена возможность того, что первый компонент польского имени *Goli-slawa* тоже имеет известное отношение к единицам вышеуказанного гнезда родственных слов. Польские антропонимы *Golhkinnth, Gol-min, Golo-buta* Słownik 2 153–159 являются осколками балтийской антропонимической системы, просочившимися в славянскую языковую среду.

3.3.3. Этимологическим рядом, породившим балтийскую, славянскую и германскую антропоосновы, можно считать гнездо родственных слов типа лит. *valdyti* „править, владеть“, *valdžiū* „власть“, лтш. *valdīt* „господствовать, властвовать, править“, др.-прусс. *walduns* „наследник“, ст.-слав. *vladěti*, др.-русс. *voloděti*, гот. *waldan* „управлять, владеть“. Ср. антропонимы: лит. *Vald-avičiūš, Vald-om-as*, в письменных памятниках *Wold-eyk-onys* 1595 *Jabl* 400, др.-прусс. *Aynne-wald, Ca-wald, Na-Walde* Traut 155, лтш. *Tāli-waldis* Traut 155, *Waldune* Blese 318; русск. *Владу-мур*, др.-русс. *Володу-мѣръ*, польск. *Włodzi-mir, Włodzi-slaw, Włoczi-bor, Włoczi-slaw*, сербохорв. *Vlastimir*, чеш. *Bohu-vlast* Svoboda 91–92; герм. *Waldo, Walto, Wald-iko, Walt-ilo, Waldo-bert, Wald-ger, Walde-gaud, Wald-man, Wald-mer* (ср. др.-русс. *Володу-мѣръ!*), *Walt-mundt, Wald-uin, Wald-ulf, Ara-wald, Audo-wald, Baudo-wald, Bur-wald, Sigi-wald* För 1235–1248.

3.3.4. В отдельных антропонимических системах имеется немало основ данного типа: ст.-слав. *тврѣдъ*, русск. *твёрдый* || славянские антропонимы: др.-русс. *Тверд-ик-ов, Тверду-слав-ич* Весел 313–314, польск. *Twardo-slaw*, сербохорв. *Tviridi-s(l)av* Svoboda 90; гот. *mahis* „мощь, сила, могущество“,

¹¹ Pokorny I. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern und München, 1959, S. 351.

magan „мочь“ || герм. антропонимы: *Maht, Maht-gunt, Maht-rih, Maht-win, Maht-ulf* För 897–899, *Magan, Magin, Mago, Maco, Mago-bard, Mag-win, Mag-ulf* För 884–887¹²; д.-в.-н. *starh* „крепкий, твердый“ || герм. антропонимы: *Starco, Starcho, Starc-bert, Starc-leib, Starc-man, Starc-ulf* För 1122; греч. *κράτος* „сила, мощь, „крепость“, *κρέων* „господствующий, властвующий“ || антропонимы: *κράτις, Ἀνδρο-κράτης, Παυ-κράτης, Πολυ-κράτης* Fick (2) 173–175, *Μεγα-κρέων, Παυ-κρέων, Πολυ-κρέων* Fick (2) 176; греч. *σθένος* „сила, мощь“ || антропонимы: *Σθένε-λαος, Σθένιος, Ἀντι-σθένης, Δημο-σθένης, κλειο-σθένης, Πολυ-σθένης* Fick (2) 250–251; др.-инд. *bāla* „сила, мужество“, антропонимы: *Bala, Bala-varman, Go-bala, Bāhu-bala, Mahā-bala, Pra-bala, Bhūri-bala* Fick CLXIX, др.-инд. *śakti* „возможность, сила“ || антропонимы: *Śakti, Bahu-śakti, Yasu-śakti, Su-śakti* Hilka 137.

4. Выделение семантических групп основ, наблюдаемых в целом ряде и.-е. антропонимических систем, на первый взгляд может показаться простой (хотя и довольно трудоемкой) процедурой. Однако в самом деле это деление осложняется одним довольно важным фактором. В пределах гнезда генетически родственных слов наблюдается определенное колебание дифференциальных элементов значения (семантических компонентов). Иногда амплитуда указанного колебания достигает такой величины, что встает вопрос, рационально ли вообще объединение в рамках одной семантической группы соответствующих единиц, включаемых в одно и то же гнездо генетически родственных слов.

Представляется целесообразным семантические группы основ, склонных к антропонимизации, строить таким образом, чтобы как можно полнее сохранить целостность гнезд генетически родственных слов. Поэтому, например, при анализе единиц, имеющих известное отношение к словам типа лтш. *melns*, греч. *μέλας*, лит. *mėlynas* и т.д., мы рассматривали все гнездо в пределах семантической группы „черного“, так как в большинстве случаев основа данного ряда имеет именно это значение. Кроме того, понятия „черного“ и „синего“ являются достаточно близкими: (их сходство может быть сведено, например, к выражению „темного“). Объединение слов, выражающих указанные понятия, в рамках одной группы представляется вполне допустимым. В конце концов, сам процесс исторического развития, т.е. выражение этих понятий словами, содержащими одну и ту же основу, является своего рода показателем схождения в восприятии указанных цветовых оттенков.

Аналогично были объединены в рамках одной семантической группы единицы, возникшие в результате антропонимизации слов типа лит. *raudonas, rūdas*, русск. *рудый* и т.д. Представляется рациональным таким же образом строить и другие семантические группы. Лишь в исключительных случаях (при появлении весьма необычных семантических компонентов) соответствующие единицы могут быть оставлены за пределами выделяемых групп.

¹² Возможно, что к данному ряду относятся балтийские и славянские антропонимы типа лит. *Mag-ėn-is, Māg-in-is, Mogà*, др.-прусс. *Mog-enne, Mog-ine* Traut 61, лтш. *Maghe Bless* 207, др.-русс. *Мог-ым-ов* Весел 201, польск. *Mog-ala* Słownik 111 544 и т.п. Ср. афелативы, относящиеся к тому же этимологическому ряду: ст.-слав. *могѣ*, русск. *могу, мочь*, лит. *magėti* „хотеть(ся)“, *pra-mogà* „развлечение, увеселение“ и т.д.

Исследовательская процедура данного типа представляет собой своего рода классификацию основ, склонных к антропонимизации. Ахиллесовой пятой этой классификации может показаться отсутствие строго очерченного принципа выделения групп. Здесь семантический критерий выступает как бы с „примесью“ данных этимологического анализа. Это обусловлено определенными соображениями. Во-первых, при анализе достаточно сложных явлений иногда целесообразно выделение классов не на основании одного простого признака, а на базе некоторого пучка свойств. Примером такого решения проблемы может служить хотя бы выделение частей речи в большинстве работ по русской грамматике. Во-вторых, возможно и то, что не лишены основания мысли Т. Милевского и некоторых других исследователей о сходстве целого ряда и.-е. антропонимических систем и об общем их происхождении от праиндоевропейской системы личных имен. Если мы признаем общность происхождения нарицательных имен, функционирующих в разных языках, типа *брат* (ст.-слав. *bratrъ*, др.-инд. *bhrātā*, лат. *frāter*, гот. *brōþar*, лит. *brólis*), *сестра* (ст.-слав. *sestra*, др.-инд. *svásar*, гот. *swistar*, лат. *soror*, лит. *sesuð*), *сын* (ст.-слав. *synъ*, др.-инд. *sūnús*, гот. *sunus*, лит. *sūnūs*) и т. д., то категорическое отрицание возможности существования хотя бы небольшого количества собственных имен общего происхождения было бы, по крайней мере, неосторожным обращением с чрезвычайно сложным материалом. Конечно, при выделении семантических групп основ, склонных к антропонимизации, не может быть одновременно поставлена и другая цель — определить то, что А. Фик называл *Namengruppen der indogermanischen Grundsprache*¹³. Типологическое и генетическое родство — разные явления. Однако сходство лексического состава и.-е. языков и общие тенденции в формировании антропонимии иногда ведут к порождению таких в том или ином отношении сходных единиц, которые с определенной степенью вероятности могут быть истолкованы или как единицы ряда генетически родственных собственных имен, или как факты, обусловленные теми же типологическими причинами. Поскольку разграничение причин порождения сходных эйдонимов на данном этапе их изучения не всегда возможно, представляется целесообразным учесть прежде всего типологический фактор и одновременно воздержаться от всего того, что могло бы явиться отрицанием генетического подхода.

Сокращения

- Акты — Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. XIV. Инвентари имений XVI столетия.
- Бирнлло — Бірыла М. В. Беларуска антрапанімія. Мінск, 1966.
- Весел — Веселовский С. Б. Ономастикон. М., „Наука“, 1974.
- Грамоти — Грамоти XIV ст. Київ, „Наукова думка“, 1974.
- Переписи — Литовская метрика. Отд. I, ч. 3. Переписи войска литовского. Петроград, 1915.
- Blese — Blese E. *Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas*. Rīgā, 1929.
- Detschew — Detschew D. *Die thrakischen Sprachreste (Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, XIV)*. Wien, 1957.
- Fick — Fick A. *Die griechischen Personennamen*. Göttingen, 1874.
- Fick (2) — Fick A., Bechtel F. *Die griechischen Personennamen*, Göttingen, 1894.

¹³ Fick A. *Die griechischen Personennamen*. Göttingen, 1874, S. CCIIV.

- För – Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd. I. Nordhausen, 1856.
 För (?) – Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd. I. Bonn, 1900.
 Gołębiowska – Gołębiowska T. Antroponimia Orawy. Kraków, 1971.
 Hilka – Hilka A. Die altindischen Personennamen. – „Indische Forschungen“, herausgegeben von A. Hillebrant, 3. Heft, Breslau, 1910.
 Holder – Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz, Bd. I–III. Leipzig, 1896–1907.
 Jabl – Jablonskis K. Istorijos archyvas. K., 1934.
 Kauf – Kaufmann H. Ergänzungsband zu Ernst Förstemann Personennamen. München, 1968.
 Krahe – Krahe H. Lexikon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929.
 Schön – Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1965.
 Schulze – Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin, 1904.
 Slownik – Slownik staropolskich nazw osobowych. T. 1–3. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1965–1973.
 Svoboda – Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
 Traut – Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.
 Zgusta KP – Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.
 Zgusta PG St – Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

DIE PROBLEME DER ANTHROPONYMISCHEN TYPOLOGIE

J. JURKĖNAS

Zusammenfassung

In diesem Artikel ist das Problem der Polygenese erörtert. Es geht um die Entstehung der sogenannten Lallnamen und um die Anthroponymisierung der Gattungsnamen, die identische oder ähnliche semantische Komponenten enthalten.